№ 1

Хроноскоп

ОКТЯБРЬ 2026

— Для семьи Колесовых —

МОСКВА · МАСТЕРСКАЯ ВЛАДИМИРА ЦЕХА

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

Попова Авдотья Сидоровна 2–3
Смирнов Прохор Иванович 4–5
Кац Рива Мордковна 6–7
Абдуллова Гайша Мухаметзяновна 8–9
Соколова Надежда Васильевна 10–11
Левченко Григорий Остапович 12–13
Астахов Лукьян Петрович 14–15
Крюгер Эмма Карловна 16–17

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогой читатель!

Память большинства семей коротка — три, от силы четыре поколения. Но даже тем, кто проделал огромный архивный труд и восстановил родословную на семь, восемь или десять колен вглубь веков, знакомо щемящее чувство тупика: имена найдены, а людей за ними не видно. Генеалогическое древо легко превращается в сухую схему дат, волостей и номеров архивных дел. Мы знаем, в каком году человек родился, когда вступил в брак и сколько у него было детей, но не знаем главного — что делать с этими именами дальше и как представить их реальную жизнь.

Мы сознательно отказываемся сочинять за них частную биографию. Любая попытка додумать характер конкретного предка, его домашние разговоры, сокровенные мысли или распорядок дня неизбежно обернулась бы фальшивой беллетристикой. Никакой архивный шифр не знает, каким человеком был ваш прадед в тишине своего дома. Но мы способны сделать другое — вернуть из небытия тот осязаемый мир, в котором он дышал, трудился и принимал решения.

Знать этот мир необходимо, чтобы по-настоящему понять человека. Ни одна судьба не существовала в пустоте. Людей формировали ландшафт и среда вокруг: бесконечный степной горизонт, глухая сибирская тайга, горное ущелье, шум многоязычного портового города или тишина земледельческой слободы. Их жизнь подчинялась смене сезонов и стихиям, пыли торговых трактов, засухам и паводкам, законам общины и ритму ближайшего базара. Когда мы узнаём, в какую погоду предок выходил за порог, какие вести приходили с караванами или ярмарками, сколько стоил хлеб в неурожайный год и какие исторические бури накатывали на его край, холодная строчка из переписи оживает.

Каждый разворот этого журнала делит ушедший мир на две оптики. **Местность** обращена к земле: она реконструирует природный рельеф, архитектуру, планировку и дыхание поселения в тот самый период. **Пора** собирает воздух времени: стихийные события, перемены климата, ярмарочные цены, местные происшествия и те новинки цивилизации, которые только-только докатились до края.

В основе каждого выпуска лежит строгая краеведческая и этнографическая методология. Мы поднимаем губернские ведомости, земские статистические отчёты, климатические летописи, карты межевания и научные труды исследователей быта XIX века. Все цены, погодные аномалии, законы и события на этих страницах подлинны: они действительно происходили в том самом уезде и в те самые годы.

Иллюстрации в журнале подчинены той же задаче. Для подавляющего большинства наших семей портретов предков XIX века не сохранилось вовсе. И даже если крупные губернские центры к началу XX столетия уже попадали в объективы фотографов, то уездные посады, фабричные слободы, станицы и сёла чаще всего оставались вне кадров хроники. Поэтому наши иллюстрации — это художественные реконструкции мастерской, призванные передать масштаб, свет, фактуру дерева и камня, общее настроение эпохи. Не стоит проверять эти панорамы с педантичной линейкой музейного реставратора: их цель — дать воображению живую опору и перенести взгляд на полтора века назад.

Под этой обложкой сходятся миры, которые при жизни людей никогда бы не пересеклись: купеческая пристань и глухая деревня, степной хутор и фабричная слобода. Ветви разных судеб, сословий и краев шли сквозь столетия своими путями, чтобы в итоге соединиться в одной точке — в вас, читающих эти строки.

Мы надеемся, что этот выпуск станет поводом оживить собранные родословные схемы, собраться вместе за большим столом и расспросить старших о том, чего ни в одном архиве нет и никогда не будет.

Владимир Цех

Каргополь. Около 1786 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Попова Авдотья Сидоровна

около 1786 года · Каргополь, Олонецкое наместничество · государственная крестьянка

МЕСТНОСТЬ

К началу екатерининского наместнического правления древний Каргополь предстает обособленным уездным миром, раскинувшимся на высоком левом берегу судоходной реки Онеги, всего в семи верстах ниже её истока из мелководного озера Лача. Местность здесь сухая, ровная и совершенно открытая северным ветрам, а сам городской массив, протянувшийся по береговой линии почти на полторы версты, очерчен геометрией неправильного семиугольника. Быстрая Онега, устремляющая свои воды к Белому морю, служит главному городу уезда и естественной природной границей, и оживленным торговым трактом, по которому сплавляют суда с привозным волжским хлебом, поморской солью и строевым лесом. Небольшой ручей Кишкинский, впадающий в Онегу с запада, рассекает городское пространство на две неравные части: меньшую возвышенную сторону обыватели зовут Колобовой Горкой, а пространную низину у пристаней — Посадом.

Городской горизонт каргопольской стороны поражает непривычным для столь удаленного северного края обилием белого камня и строгих силуэтов. Над плотным массивом деревянной застройки величаво господствует пятиглавый Христорождественский собор шестнадцатого столетия, сложенный из местного белого известняка и тесаного камня. Вокруг него теснятся полтора десятка каменных приходских церквей, чьи чешуйчатые лемеховые главы и железные кованые кресты видны с воды за много верст до причалов. На южном краю Посада высятся поросшие зеленым дерном земляные насыпи — старинные Валушки, оставшиеся от древней рубленой крепости, дотла сгоревшей за полвека до описываемого времени. По другую сторону быстрой Онеги белеют стены Преображенского монастыря, а к северу от жилых кварталов уединенно стоит ограда Успенской обители, замыкая сакральное кольцо города.

Около 1786 года Каргополь залечивает раны былых опустошительных пожаров и застраивается заново, по конфирмованному регулярному плану с прямыми геометрическими улицами. Из пятисот с лишним обывательских домов лишь единицы принадлежат казне и выстроены из кирпича, однако около двух сотен деревянных усадеб уже подняты на прочные каменные фундаменты и подклеты, придавая посаду солидную строгость. Здесь нет дворянских имений и барщинного крепостного люда: почти трехтысячное городское население составляют посадские мещане, купцы второй и третьей гильдий, приказные служители наместничества, беломестные разночинцы и государственные тяглые обыватели. Вся жизнь этого северного сословия подчинена сезонному речному сплаву, соборному колокольному звону и общим мирским раскладкам.

Воздух в каргопольских переулках прозрачен и напитан одним стойким, сухим запахом — горьковатой пылью льняной костры. Местный лен славится тонкостью волокна по всему Северу, и едва заканчивается жатва, во дворах начинают безостановочно мять и трепать вымоченные стебли, готовя товарные связки к сплаву. По утрам над речной гладью долго висит сизый полог тумана, сквозь который доносятся глухой стук вальков с прибрежных портомоен, оклики барочных кормщиков и звон колоколен. С наступлением осени Каргополь рано погружается в стылые северные сумерки, встречая непогоду ровным огоньком лучин в небольших окнах приземистых бревенчатых изб.

ПОРА

Своенравие Онеги и губительные утренники 1785–1786 годов

Климатические условия Олонецкого наместничества в середине 1780-х годов отличались исключительным непостоянством и суровостью. Современники записывали в дневниках поразительные перемены погоды: по шкале термометра Реомюра мороз мог за полсуток смениться оттепелью, а в разгар краткого северного лета внезапно налетали шквалистые арктические ветры, заставлявшие обывателей вновь облачаться в зимнее суконное платье. Лето 1785 и 1786 годов выдалось затяжным, холодным и дождливым. Уже в исходе июля над олонецкими полями начали стлаться губительные утренние заморозки, побившие незрелый овес и рожь, что поставило весь каргопольский округ перед нешуточной угрозой хлебного недорода.

Главной же своенравной стихией края оставалась река Онега. Вытекая из обширного озера Лача всего в семи верстах выше Каргополя, она неслась вдоль крутого берега бурным, мощным потоком через каменистые порожистые перекаты. По причине быстроты течения Онега под самым посадом почти никогда не сковывалась сплошным надежным льдом: даже в крещенскую стужу на стремнине шумели широкие незамерзающие полыньи, над которыми клубился густой ледяной пар, а быстрина несла комья рыхлой шуги.

Городская переправа оставалась для жителей непрестанной заботой. Старый свайный мост, поставленный через реку еще в 1764 году, был сметен вешним ледоходом и большой полой водой в 1775 году. С тех пор берега связывали лишь плоскодонные паромы да лодки-карбасы, а зимой — зыбкие переходы по прибрежным заберегам, требовавшие предельной осторожности. Любая затяжная оттепель грозила взломать неокрепший лед и на недели изолировать заречные монастыри и деревни от уездных властей.

Инспекция наместника Державина и монастырская летопись 1785 года

В первых числах сентября 1785 года размеренное течение каргопольской жизни было взбудоражено приездом первого правителя новоучрежденного Олонецкого наместничества — действительного статского советника и прославленного поэта Гавриила Романовича Державина. Совершая трудную двухмесячную поездку по бездорожному краю верхом и на гребных судах, наместник прибыл в Каргополь водным путем из Поморья и провел в городе четыре полных дня. Визит столь крупного петербургского сановника заставил местную администрацию и выборных купеческих голов безотлагательно привести в порядок все сословные дела.

Державин дотошно ревизовал новые уездные присутственные места, проверял денежные книги и судейские протоколы, лично выслушивал прошения посадских мещан и государственных тяглецов. В своей известной путевой «Подённой записке» наместник оставил потомкам колоритное описание коренных жителей: он признал каргопольцев на редкость трудолюбивыми и зажиточными, назвал их пашни лучшими во всей губернии, однако не удержался от замечания, что народ здешний хоть и ласков, но чрезмерно корыстолюбив и прижимист в торговых делах.

В эти же сентябрьские дни в стенах одной из местных обителей случилось примечательное историческое открытие. Исследуя монастырские книгохранилища, Державин обнаружил древний список летописного сказания о князе Вячеславе Белозерском, который разбил «чудь белоглазую» и основал на стоянке острог на Каргином поле. Именно эта бумага, извлеченная губернатором из забвения, позволила местным грамотеям отсчитывать бытие Каргополя с середины двенадцатого столетия и стала для города главным памятным итогом той высокой ревизии.

Онежский торг: поморская рыба, привозной хлеб и пудовые расценки

Торговая жизнь Каргополя держалась на перевалке грузов по Онежскому водному пути, соединявшему северные моря с хлебородным Поволжьем. Барки с рожью и овсом шли рекой Шексной до Коротецкой пристани, откуда после сухопутного волока следовали озерами Воже и Лача прямо к каргопольским причалам. Главное торжище города разворачивалось на Торговой площади близ Христорождественского собора и вдоль береговых лабазов: по понедельникам здесь шумели однодневные базары, куда съезжались окрестные государственные крестьяне, вологодские скупщики и поморы с побережья Белого моря.

Главным богатством местного уезда оставался первостатейный лен-моченец, который каргопольское купечество скупало для последующей отправки в столичные и поморские порты. За пуд трепаного льна на каргопольских торгах давали от одного рубля восьмидесяти копеек до двух рублей двадцати копеек. Привозной волжский ржаной хлеб в зерне и муке обходился покупателю в тридцать — тридцать пять копеек за пуд, беломорская соль шла по сорок копеек, а пуд сухопутной или соленой мурманской трески ценился на рынке около пятидесяти копеек медью.

Сопоставление этих цен с заработками показывает истинную стоимость повседневного пропитания. Наемный подёнщик или судовой крючник на перевалке баржевых грузов получал в летнюю пору от пятнадцати до двадцати копеек за день изнурительного труда, а зимою плата падала до гривенника. Чтобы скопить на пуд ржаной муки для семьи, каргопольскому работнику требовалось отработать два полных трудовых дня, а цена пуда сортового льна равнялась двум неделям неотлучного физического труда у лабазов или на пильных мельницах.

Регулярная геометрия кварталов и пожалование градского герба

Главным осязаемым новшеством, бесповоротно изменившим облик Каргополя к середине 1780-х годов, стало практическое воплощение екатерининского регулярного плана перестройки. Вместо веками складывавшейся путаницы кривых средневековых переулков и тупиков казенные землемеры при помощи мерных цепей протянули по посаду шнуры совершенно прямых взаимно перпендикулярных улиц. Власти строго предписали каргопольским обывателям возводить жилые хоромы исключительно вдоль утвержденных «красных линий», непременно обращая фасады на улицу и прекратив самовольную застройку внутри дворовых владений.

Это градостроительное преобразование дополнилось коренной ломкой векового уклада городского самоуправления. С обнародованием знаменитой «Жалованной грамоты городам» 1785 года посадское население было расписано по шести сословным разрядам, а для хозяйственного попечения учреждалась общая градская дума и распорядительная шестигласная дума под председательством городского головы. Еще ранее, в январе того же 1785 года, из губернского Петрозаводска прибыл нарочный с официальным изображением высочайше пожалованного герба: в лазоревом поле пылал костер, пламя которого объяло жертвенного овна, восходившего к древним северным обрядам каргопольцев.

Для жителей прионежского посада наступила эпоха казенной строгости и чертежного порядка, дотоле невиданного в северных пределах. Свыше двух сотен обывательских деревянных усадеб за считаные годы были подняты на добротные фундаменты и подклеты из тесаного белого известняка, а на главных въездах поднялись полосатые шлагбаумы с караульными будками штатной инвалидной команды. Патриархальный торговый узел на глазах очевидцев обретал строгие черты единообразного административного центра Российской империи.

Деревня Даниловского уезда. Около 1846 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Смирнов Прохор Иванович

около 1846 года · деревня Даниловского уезда, Ярославская губерния · крепостной на оброке

МЕСТНОСТЬ

Даниловский уезд в середине сороковых годов XIX столетия являет собою холмистый, плотно заселенный мир Верхнего Поволжья, где древняя ледниковая возвышенность определяет мягкий, но глубоко пересеченный характер рельефа. Селения здесь невелики: в редкой деревне насчитывается более двух или трех десятков дворов, поставленных по пологим скатам песчано-глинистых гряд либо вдоль извилистых русел Соти, Лунки, Ухры и речки Пеленды. Каждое поселение стремится занять возвышенное, сухое место, спасаясь от весенней поводной воды и застойных топей, густо поросших ольшаником и болотным мелким кустарником. Окружающие пахотные клинья изрезаны крутыми промоинами и усеяны гранитными камнями-валунами, которые поколения пахарей терпеливо стаскивали к границам полос, создавая каменные межи.

Крестьянские усадьбы срублены прочно, из ядреного елового и соснового бревна, заготовленного в ближних казенных или владельческих лесных дачах, покрывающих добрую треть уездного пространства. Жилища возводятся на высоких подклетах, нередко на две избы через просторные холодные сени, с кровлями из еловой драни либо ржаной соломы, плотно прижатой тяжелыми гнетами; их чела обращены к проезжему порядку или ручью тремя узкими створчатыми окнами. Поодаль от жилого ряда, вдоль задних межевых прясел, вынесены клети для домашнего скарба, сенницы и двухъярусные овины с ямами-подлазами, поставленные на особицу ради сбережения построек от внезапного пламени. Между усадьбами пролегают узкие проулки, огороженные жердевыми плетнями, за которыми темнеют огороды и полосы высокой конопли.

Окрестный горизонт не оставляет впечатления лесной глухомани: над темной гребенкой еловых чащ и светлыми березовыми перелесками почти отовсюду видна белая вертикаль каменной колокольни ближайшего приходского села, венчающая верхушку соседнего холма. Между селениями вьются разъезженные грунтовые проселки, связывающие округу с Ярославско-Вологодским почтовым трактом — главной дорогой края, по которой непрерывно движутся почтовые кареты, казенные чиновники и длинные вереницы купеческих обозов. Сама пахотная земля здесь сурова и малородна: подзолы и плотные суглинки требуют великих трудов и не обеспечивают семью хлебом до нового сбора, отчего здешняя деревня держится промысловым отходом, и летом дома остаются женщины, подростки да старики.

Воздух в деревне пропитан единственным преобладающим запахом — плотным, терпким духом влажной серой глины, обнажающейся на размытых берегах ручьев и в глубоких дорожных колеях, смешанным с горьковатым ароматом ольховой коры. В полуденные часы над порядком изб царит рабочая тишина, нарушаемая лишь глухим перестуком ткацких станов из открытых подклетов да равномерным перезвоном косы, отбиваемой на наковальне. Небосвод над уездом затянут белесой, мягкой северной мглой, которая рассеивает дневной свет, лишая его резких теней и окутывая спокойным сиянием потемневшие бревенчатые венцы, высохшие березы у околицы и колышущиеся на пригорках полосы светло-зеленого льна.

ПОРА

Сушь после недорода: знойное лето и спад уездных вод 1846 года

Климатический оборот середины сороковых годов XIX века принес селениям Ярославской губернии суровое испытание противоположными крайностями природы. После затяжных, проливных дождей лета 1845 года, буквально утопивших яровые всходы, сгубивших цвет ржи и вызвавших повсеместный недород, последовала долгая снежная зима с крепкими морозами. Однако на смену бурному весеннему половодью, разлившему в конце апреля реки Лунку, Ухру и Волгу по пойменным лугам, в мае 1846 года неожиданно пришла непрерывная и жестокая засуха, захватившая весь Даниловский уезд.

На протяжении почти трех месяцев палящее солнце изо дня в день стояло в белесом, раскаленном небе без единого грозового дождя. Мелкие лесные речки и притоки обмелели до предела, обнажив песчаные косы и скопления гранитных валунов на дне; проточная вода в оврагах вовсе иссякла. В селениях, стоящих на моренных холмах вдали от речных русл, пересохли общественные колодцы, и крестьяне вынуждены были возить мутную воду в бочках из дальних лесных топей и ключей. Палящий зной превратил тяжелые серые глины уездных полей в каменную корку, покрытую глубокими зияющими трещинами.

Суходольные луга совершенно пожелтели, и сенокос того лета дал скуднейший укос, поставив деревенские дворы перед угрозой тяжелой зимней бескормицы скота. Вместе с тем яровые хлеба, успевшие напитаться весенней влагой, вызрели на редкость скоро и стояли совершенно чистыми от спорыньи и хлебной ржавчины. Жатва в августе 1846 года завершилась много раньше обычного: сухие, легкие снопы везли прямо с полос на гумна, не тратя казенных дров на долгое овинное копчение, хотя собранное зерно оказалось непривычно мелким и легковесным.

Ревизия хлебных магазей и вступление губернатора Бутурлина

Летом 1846 года до самых глухих уголков Даниловского уезда докатилось эхо перемен в губернском управлении: на пост ярославского гражданского губернатора заступил генерал-лейтенант Алексей Петрович Бутурлин. Приняв дела после тяжелейшего неурожайного года, новый начальник немедленно предписал учинить строжайшую ревизию продовольственных запасов и взыскать накопившиеся казенные недоимки. Для уезда, где земледелие не кормило деревню, а исправность платежей зависела от отхожих промыслов, эта строгость обернулась всеобщей тревогой.

По наезженным проселкам покатили экипажи чиновников земского суда и становых приставов. Сельским старостам, сотским и выборным велено было собрать понятых и отпереть кованые замки общественных хлебных магазинов — бревенчатых амбаров, называемых в народе «магазеями». Картина во многих селениях открылась плачевная: ссыпные закрома стояли пустыми. Спасая односельчан от голода в минувшую зиму, мирские сходы самовольно распечатали неприкосновенные сусеки и роздали рожь семьям в долг.

У амбарных крылец неделями шумели многолюдные мирские сходки. Приказные чиновники вымеряли остатки зерна казенными четвериками, сверяли волостные шнуровые книги и под страхом уездного суда требовали от крестьянских общин круговой поруки в немедленном восполнении закромов чистой рожью первого намолота. Старостам строжайше предписали спешно отправлять известия в столичные артели штукатуров, лепщиков и трактирщиков, дабы обязать отходников немедля переслать звонкую монету на погашение общинных долгов. Это строгое дознание всколыхнуло привычный размеренный уклад даниловской деревни, заставив каждый двор дорожить каждой копейкой и без промедления браться за молотильные цепы.

Даниловский вторничный торг: льняные новины и лабазный хлеб

Главным средоточием торговой жизни округи оставалась базарная площадь уездного города Данилова, где по вторникам шумел многолюдный съезжий торг. Из окрестных деревень сюда тянулись крестьянские возы, груженные главным плодом домашнего ремесла — льняным домотканым полотном. Даниловский уезд славился выделкой новины: доверенные столичных купцов скупали здесь холсты целыми возами для отправки по тракту в Петербург, обращая крестьянский труд в звонкую монету.

Вырученное серебро немедленно уходило на покупку хлеба, доставляемого с рыбинских и ярославских волжских пристаней, ибо уездная земля не кормила хлебороба. Весной 1846 года, когда последствия прошлого неурожая достигли вершины, пуд ржаной муки в даниловских лабазах держался по 75 копеек серебром, а за девятипудовый куль ржи купцы правили шесть рублей пятьдесят копеек. Пуд соли обходился в 35 копеек серебром, тогда как фунт конопляного масла стоил 14 копеек.

Заработки в деревне были невелики: плата вольнонаемному поденщику на весенней расчистке пашни или бороньбе на хозяйском содержании составляла не более 25 копеек серебром за день, возрастая до 45 копеек лишь на тяжелой косьбе. Чтобы выручить средства на покупку одного пуда ржаной муки, батраку приходилось трудиться три полных дня. При этом добротный кусок сурового холста мерою в тридцать аршин, на прядение и ткачество которого у крестьянки уходили долгие зимние месяцы, скупщики принимали всего за полтора рубля серебром, чего едва хватало на приобретение двух пудов хлебного зерна.

Казенные посадки «земляных яблок» и спасительный клубень

Главным хозяйственным новшеством, бесповоротно вошедшим в быт даниловской деревни в середине сороковых годов XIX века, стало полевое разведение картофеля. Еще недавно «земляные яблоки» воспринимались местными крестьянами с глубоким недоверием и сажались разве что на редких помещичьих огородах. Однако строгие правительственные предписания об общественной запашке, а главное — тяжелый ржаной недород 1845 года заставили сельские сходы признать в заморском корнеплоде надежное спасение от бескормицы.

Весной 1846 года через волостные правления в селения поступили казенные кули с семенными клубнями, под посадку которых общества отвели распаханные паровые клинья. Моренные суглинки Даниловского уезда, обильно удобренные домашним назьмом, оказались для незнакомой культуры весьма подходящими. В течение всего раскаленного лета 1846 года, когда засуха начисто сожгла сенокосы, картофельные гребни стойко перенесли сушь и к осени дали богатейший сбор крупных клубней, совершенно не знавших никакой гнили или червоточины.

Щедрый сбор окончательно рассеял вековые крестьянские опасения: домохозяева принялись сажать клубни не только на казенных клиньях, но и на собственных огородах у изб. Картофель сделался постоянной крестьянской пищей, заметно снизив зимнюю зависимость дворов от дорогой покупной ржи. Именно в эти годы в селениях уезда вошло в постоянный обычай особое сытное кушанье — печеная в глиняных латках с молоком картофельная запеканка, называемая крестьянами «рыбником», несмотря на полное отсутствие в ней рыбы. Так непривычная культура навсегда укоренилась на суровой даниловской земле.

Бердичев. Около 1858 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Кац Рива Мордковна

около 1858 года · Бердичев, Киевская губерния · мещанка черты оседлости

МЕСТНОСТЬ

Уездный город Бердичев Киевской губернии к исходу 1850-х годов представляет собой уникальный и колоссальный торгово-ремесленный муравейник, раскинувшийся на пологих холмистых грядах Волынско-Подольской возвышенности по обоим берегам извилистой реки Гнилопяти. Медлительное русло реки здесь перехвачено старинными мельничными плотинами, образуя широкий, подернутый зеленой ряской плес, разделяющий разросшееся поселение на Старый и Новый город. Главной архитектурной твердыней горизонта высится грандиозный монастырь-крепость босых кармелитов: его мощные бастионы из темно-красного кирпича, глубокие рвы и взмывающий над земляными валами пышный барочный фасад Мариинского костела напоминают о бурных временах пограничных войн былой Речи Посполитой. Напротив католической цитадели, в нагорной части посада, царственно доминируют строгие монументальные пилястры Большой хоральной синагоги, возведенной в начале десятилетия на купеческие пожертвования, и золоченые купола православного Свято-Никольского собора.

Внутри этого тесного пространства кипит городское скопление, превосходящее своим многолюдством сам губернский Киев: здесь на площади всего в несколько квадратных верст скученно обитает свыше пятидесяти тысяч душ, подавляющее большинство которых принадлежит к еврейскому мещанству и купечеству черты оседлости. Внутренняя застройка Бердичева хаотична, причудлива и многослойна. Узкие, петляющие кривоколенные переулки плотно стиснуты двух- и трехэтажными каменными домами с нависающими деревянными галереями, наружными крутыми лестницами и крошечными тесовыми пристройками, где буквально каждый аршин земли обращен в торговое заведение. Под этим каменным лабиринтом скрывается обширный подземный город — веками вырубавшиеся в плотной глине двухъярусные сводчатые погреба и казематы, способные вместить исполинские запасы колониальных товаров, привозной мануфактуры, вин и сахара.

Воздух Бердичева пропитан неповторимым, густым и терпким духом: здесь резкий, вяжущий запах выделанной подольской юфти и неокрашенных бараньих кож смешивается с ароматом жареного цикория, дешевого табака и сырой вековой известью глубоких подвальных складов. С первым лучом рассвета над неровными мостовыми вспыхивает несмолкаемый уличный гул. В этой оглушительной разноголосице быстрая скороговорка местного диалекта идиш непрестанно переплетается с польской речью окрестных помещиков и казенным великорусским говором приказных чиновников. Грохот окованных железом тяжелых колес по булыжнику, выкрики бродячих менял и факторов, мерные удары монастырского колокола и приглушенные молитвенные напевы сливаются в единый мощный звуковой вал, не затихающий на площадях до глубокой ночи.

С внешним миром город сообщается через наезженные грунтовые тракты на Житомир, Ровно и Сквиру, по которым бесконечной вереницей тянутся обозные фуры, шляхетские рыдваны и легковые балагулы. На песчаных окраинах теснятся полунищие предместья вроде Загребелья и Песков, застроенные низкими глинобитными мазанками под потемневшим соломенным настилом, где возле плетней пасутся козы и сушат сети бедные ремесленники. За чертой полосатых шлагбаумов заставы открывается безбрежный горизонт распаханных полей и дубовых рощ, резко контрастирующий с неистовой теснотой этого торгового перекрестка, живущего по непреложным законам векового торга.

ПОРА

Знойный суховей и обмеление Гнилопяти летом 1858 года

Климатический оборот 1858 года принес юго-западным уездам Киевской губернии испытание изнуряющим зноем и продолжительным бездождием. Едва сошли вешние воды, как уже с середины мая над холмами Волыни и Полесья установился неподвижный антициклон. В продолжение июня и июля палящее солнце изо дня в день раскаляло песчаные выгоны и черепичные крыши Бердичева, а суховеи несли с южных степей тучи мелкой, удушливой известковой пыли.

Река Гнилопять, обыкновенно питавшая городские водяные мельницы и красильни, к разгару лета катастрофически обмелела. Ее илистые берега обнажились и покрылись глубокими трещинами, а стоячая вода в запрудах зацвела густой бурой тиной, издававшей тяжелый болотный чад. Местные обыватели и торговцы терпели крайнее стеснение в воде: глубокие колодцы в Старом городе пересыхали один за другим, и водовозам приходилось возить бочки из дальних ключевых родников на окраинах, продавая ведро воды за неслыханную прежде цену в две копейки медью.

Необычайная сушь встревожила окрестных хлебопашцев и многочисленный ярмарочный люд. Озимая пшеница и рожь на суглинистых полях созрели почти на две недели раньше обыкновенного срока, отчего колос на жатве оказался щуплым и пересохшим от недостатка влаги. На обширных базарных площадях Бердичева лавочные навесы наглухо затягивали серыми парусиновыми пологами, спасая нежные мануфактурные тюки от палящих лучей и летящей пыли. По вечерам нагретый известковый камень домов не остывал до самой утренней зари, держа раскаленный город в душном, неподвижном оцепенении.

Онуфриевский съезд 1858 года и кавалерийские ремонты

Главным общественным событием лета 1858 года в Бердичеве стала прославленная Онуфриевская ярмарка, торжественно открывшаяся в середине июня у подножия бастионов Кармелитского монастыря. В город, и без того предельно переполненный собственными жителями, хлынула многотысячная пестрая масса приезжего люда: богатые польские помещики со своими семействами, австрийские, прусские и саксонские негоцианты, купеческие приказчики из Москвы и Одессы, а также сотни табунщиков и гуртовщиков, пригнавших бесчисленные гурты скота из бессарабских и причерноморских степей.

Особенный размах в этот сезон приобрел конный торг, привлекавший в Бердичев кавалерийских офицеров-ремонтёров со всей империи и из-за границы. На обширном Ярмарочном выгоне у реки Гнилопяти разместилось свыше пятнадцати тысяч лошадей. Комиссии военных ведомств придирчиво отбирали строевых коней для драгунских и уланских полков, закупая партии отборных верховых и упряжных животных. С утра до вечера воздух оглашался свистом нагаек, топотом копыт и криками браковщиков, осаживавших горячих степных жеребцов перед чинами ремонтной комиссии.

Одновременно городская полиция и командированные чиновники Киевской казенной палаты учинили на всех заставах строжайший паспортный досмотр, напрямую совпавший с переучетом душ по Десятой народной ревизии. Небывалый наплыв чужаков потребовал учреждения круглосуточных конных разъездов вокруг старых монастырских валов и возведения временных дощатых бараков для приезжих. Несмотря на тесноту, зной и строгие заставные кордоны, ярмарочный торг увенчался подписанием сотен крупных поставочных контрактов на шерсть и хлеб, подтвердив незыблемое значение Бердичева как главного торгового узла всего Юго-Западного края.

Золотая улица, вексельный курс и ярмарочные расценки 1858 года

Торговая жизнь Бердичева в конце 1850-х годов кипела не только на рыночных площадях у костела и собора, но и на знаменитой Золотой улице, где сосредоточились конторы восьми крупнейших еврейских банкирских домов. Здесь банкиры Гальперины, Трахтенберги и Горвицы вели учет переводных векселей на Лейпциг, Вену, Одессу и Петербург, ежедневно разменивая тысячи золотых полуимпериалов и австрийских дукатов. Через их руки проходили миллионные кредиты на закупку сахара и шерсти, определявшие оптовые цены всего края.

В розничных крамницах и деревянных лабазах товары отпускались на серебряную монету. За пуд ржаной муки бердичевские торговцы просили от 55 до 60 копеек, пуд отборной подольской пшеницы стоил 85–90 копеек, а пуд ячменя шел по 45 копеек. Свекловичный сахар-рафинад с местных заводов ценился по 18–20 копеек за фунт. Привозное австрийское тонкое сукно для господских сюртуков продавали по 3 рубля 50 копеек за аршин, тогда как простое серое сукно домашней крестьянской выделки отдавали всего по 30 копеек за аршин.

Для рядового бердичевского обывателя эти расценки были весьма ощутимы. Простой подённый батрак или грузчик на караванном дворе зарабатывал в ярмарочные недели от 25 до 30 копеек за долгий трудовой день от зари до заката, тогда как в глухие месяцы плата падала до 15 копеек. Ремесленный мастер — портной или седельник — мог выручить за поденную работу до 50 копеек. Таким образом, покупка всего одного фунта сахара или куска мыла поглощала почти весь дневной заработок чернорабочего, кормившего семью копеечным ржаным хлебом.

Бумажная марка и почтовое новшество 1858 года

В начале 1858 года в повседневную деловую жизнь уездного Бердичева вошло заметное государственное новшество, коренным образом изменившее вековой порядок торговой переписки. В городскую почтовую контору, размещавшуюся близ выезда на Белопольский тракт, поступили первые казенные почтовые марки Российской империи. Для огромного торгового и банкирского центра, ежедневно отправлявшего сотни деловых писем, вексельных уведомлений и ярмарочных циркуляров во все концы Европы, появление этих небольших знаков почтовой оплаты стало подлинным техническим переворотом.

Прежде всякая пересылка простого письма превращалась в громоздкую процедуру: отправителю требовалось лично выстаивать очередь у деревянного барьера почтовой конторы, дожидаться взвешивания пакета на медных золотниковых весах и вносить наличную плату серебром чиновнику, который вносил запись в приходо-расходную книгу и ставил тяжелые чернильные печати. Теперь же приказчики банкирских домов и обыватели смогли заблаговременно покупать за десять копеек серебром синие бумажные марки с белым рельефным орлом внутри овального медальона. Наклеенный на конверт знак гасился точечным или круглым штемпелем, избавляя конторщиков от многочасовой волокиты.

Необычное почтовое новшество поначалу вызывало живейшее любопытство на бирже и в торговых лавках: первые партии знаков оплаты на Золотой улице бережно передавали из рук в руки, подробно рассматривая тонкую типографскую печать и водяные знаки Экспедиции заготовления государственных бумаг. Коммерсанты оценили исключительное удобство предварительной оплаты, и уже к лету Бердичевская почтовая контора отправляла сотни запечатанных сургучом конвертов с яркими марками, которые увозили регулярные почтовые дилижансы по трактам на Киев, Варшаву и Санкт-Петербург.

Казань. Старо-Татарская слобода, около 1862 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Абдуллова Гайша Мухаметзяновна

около 1862 года · Казань, Старо-Татарская слобода · купеческая дочь

МЕСТНОСТЬ

Старо-Татарская слобода губернского города Казани в начале 1860-х годов представляет собой обособленный, замкнутый в собственных вековых границах и обычаях мир, раскинувшийся на широкой низменной террасе за протокой Булак. С востока этот плотный массив усадеб прижат к илистому, неподвижному зеркалу озера Нижний Кабан, а на севере естественным образом упирается в оживленное торговое торжище Сенной площади. От Верхнего города — дворянско-чиновной Казани с ее белокаменным кремлем, губернаторским дворцом и возвышающейся на холме университетской обсерваторией — этот мусульманский посад отделен не просто водным рубежом обмелевшего канала, но совершенно иной культурой и вековым распорядком. Слободская застройка вытянулась широкой лентой с северо-запада на юго-восток вдоль старинного Екатерининского тракта и тихой Захарьевской улицы, дробясь на сложную сеть кривых переулков, тупиков и просторных купеческих усадеб.

Городской силуэт слободы начисто лишен колоколен и злаченых куполов: над ровной чередой тесовых крыш и кронами ветел царственно царят стройные беленые минареты каменных мечетей. Архитектурными доминантами здешнего Забулачья служат старинная Первая соборная мечеть с граненым шатром, пышно декорированная в духе барокко Апанаевская мечеть и недавно выросшая на углу Сенной площади высокая Нурулла. Уличная планировка хранит подчеркнуто обособленный, восточный характер: линии проездов скованы глухими деревянными заборами в полтора человеческих роста с тяжелыми полихромными воротами, изукрашенными резными солярными знаками и яркими цветочными узорами. Жилые покои татарских купеческих и мещанских домов обращены окнами исключительно во внутреннее дворовое пространство, строго оберегая от посторонних глаз традиционный быт с его обязательным разделением на мужскую часть и скрытый женский покой.

Слободские улицы, замощенные мелким волжским булыжником лишь возле базарных рядов, после дождей превращаются в густую колею из вязкого чернозема и влажного песка. Главным обонятельным признаком и неистребимым дыханием здешней среды выступает острый, густой дубильный запах свежей юфти и выделанного цветного сафьяна, исходящий из десятков каюфных заведений и кожевенных дворов. Этот тяжелый ремесленный дух, намертво пропитавший заборы, амбары и бревенчатые срубы, смешивается в теплом воздухе с ароматом завариваемых в медных кумганах сушеных степных трав, крепкого байхового чая и пряным чадом топящегося на уличных жаровнях меда.

Звуковое пространство слободы живет по строгому закону ислама: пять раз в день над притихшими переулками и гладью Кабана плывет переливчатый азан, созывающий верующих на молитву. В будничные часы этот возвышенный напев перекрывается неумолчным перестуком деревянных колодок и сапожных молотков каюфников, скрипом тяжело нагруженных товаром ломовых дрог и неторопливой татарской речью прохожих. К вечеру суета мгновенно спадает, тяжелые дубовые затворы ворот опускаются на железные крючья, и слобода погружается в непроницаемый сумрак, нарушаемый лишь перекличкой ночных сторожей с деревянными колотушками да плеском темной озерной волны.

ПОРА

Вешний разлив Волги и обратный ток Булака весной 1862 года

Климатический оборот 1862 года принес Казанской губернии бурную и многоводную весну, в полной мере показавшую жителям Забулачья неукротимый нрав великой реки. После умеренно морозной, но чрезвычайно обильной глубокими снегами зимы 1861–1862 годов дружное апрельское потепление вызвало стремительное таяние снегов по всему бассейну Волги и Казанки. К началу мая могучий волжский разлив затопил прибрежные луга, слившись с притоками в гигантское водное зеркало, вплотную подступившее к кремлевскому холму и слободским окраинам.

Для обитателей Старо-Татарской слободы этот грандиозный паводок ознаменовался ежегодным, но неизменно поражающим природным феноменом — обратным течением Булака. Волжские воды с такой колоссальной силой подперли устье Казанки, что узкая протока повернула вспять: мутный, вздувшийся речной поток хлынул из реки вверх по каналу, с шумом устремляясь прямо в озеро Нижний Кабан. Этот мощный напор на несколько недель промыл вечно заиливающееся русло, подняв уровень озерных вод и затопив лодочные причалы, огороды и пологие берега на слободской меже.

Низменные улицы вблизи Сенной площади оказались подтоплены грунтовыми водами, и привычные колесные телеги на время уступили место плоскодонным лодкам и челнокам. Торговцы и каюфники перевозили тюки с товарами и кожи по воде прямо к порогам каменных лабазов. Лишь к первой половине июня вешняя вода пошла на убыль, обнажив толстый слой речного ила, после чего над слободой установилось душное поволжское лето с плотными грозовыми тучами и раскаленным маревом над тесовыми крышами.

Пепелище Сенной площади и каменная перестройка слободы

Главным потрясением, определившим облик и внутренний ритм слободской жизни к 1862 году, стало преодоление последствий опустошительного пожара, вспыхнувшего в Забулачье 25 мая 1859 года. Сухой весенний шквал тогда мгновенно разнес огонь от Тихвинской улицы по всему побережью протоки, обратив в груды тлеющих углей сотни бревенчатых домов, торговых шалашей и лабазов Сенного базара. Бедствие, оставившее без крова множество семейств мелких торговцев и ремесленников, заставило слободскую общину полностью пересмотреть вековые строительные порядки.

К началу 1860-х годов пепелище обратилось грандиозной строительной площадкой. Этому способствовала правительственная отмена обязательных «образцовых фасадов», развязавшая руки богатому татарскому купечеству. На месте сгоревших хаотичных навесов и бревенчатых изб купцы первой гильдии Ибрагим Юнусов и Ибрагим Апаков развернули широкое каменное строительство. Вдоль Екатерининской улицы и по периметру Сенной площади застучали кирки каменщиков: вместо уязвимого дерева возводились солидные двухэтажные особняки из красного кирпича и просторные караван-сараи с лавками в нижних ярусах.

Новое слободское зодчество органично соединило строгие ордерные формы классицизма с традиционными восточными мотивами — стрельчатыми оконными нишами, фигурными кирпичными узорами и декоративными аттиками. На Юнусовской площади обновлялись мусульманские благотворительные заведения и богадельни, а на Сенной площади возводились вместительные каменные подворья и номера для приезжих оренбургских и среднеазиатских купцов. Этот небывалый строительный подъем рубежа десятилетий преобразил всю северную часть посада, окончательно закрепив за Старо-Татарской слободой статус монументального культурного и торгово-ремесленного центра поволжского мусульманства.

Сенной торг: сафьянный ряд, кяхтинские чаи и медный грош

Главным торжищем слобожан и всего казанского Забулачья неизменно оставался Сенной базар, раскинувшийся вокруг Сенной мечети. Здесь велся оптовый и розничный торг товарами, определявшими экономическую мощь татарского купечества: выделанной юфтью, тюками азиатского хлопка, сырыми кожами, мылом и знаменитыми мозаичными ичигами. Особый ряд занимали чайные склады, куда поступали кяхтинские байховые сорта и прессованный кирпичный чай, доставляемый караванами из Сибири.

Цены на съестные припасы в начале 1860-х годов держались на устойчивом уровне. Пуд ржаной муки на Сенной площади продавался за 60–65 копеек, пуд гречневой крупы стоил около 1 рубля 10 копеек, а фунт свежей баранины или говядины обходился покупателю в 5–6 копеек. Дороже ценился привозной кирпичный плиточный чай — за одну плитку весом около полутора фунтов просили от 35 до 45 копеек серебром, тогда как фунт отборного китайского цветочного чая доходил в цене до 2 рублей. Знаменитое казанское мраморное мыло с близлежащих заводов продавалось по 12–15 копеек за фунт.

Для сопоставления цен с достатком простого люда показателен поденный заработок на городских промыслах. Чернорабочий на булакских пристанях или подносчик кирпича на слободских стройках получал в летнюю пору от 25 до 30 копеек за полный трудовой день. Таким образом, весь долгий день тяжелейшей физической поденщины окупал лишь около полупуда ржаной муки либо пару фунтов баранины с горстью сушеного урюка. Искусные же мастера-каюфники за вышивку шелком пары узорных сафьянных сапожек зарабатывали до 70 копеек, тогда как готовые женские ичиги тонкой работы продавались зажиточным покупателям по 2 рубля 50 копеек серебром.

Печатный камень: триумф казанской литографии и настенный шамаиль

Подлинной культурно-бытовой новинкой, бесповоротно вошедшей в повседневный обиход Старо-Татарской слободы к началу 1860-х годов, стал расцвет литографического книгопечатания и массовое распространение печатных настенных шамаилей. Долгое время арабская и татарская книга печаталась тяжелыми металлическими литерами, не способными передать изящную текучесть восточной каллиграфии. Внедрение литографского станка, переносящего оттиск со специально обработанного зольнхофенского известнякового камня, произвело переворот в духовном и домашнем обиходе мусульман.

Казань стала безусловной столицей восточного книгоиздания империи. Особый вес этому новшеству придало то, что с 1860 года надзор за правильностью и догматической чистотой казанских изданий Корана был официально поручен выдающемуся богослову и ученому Шигабутдину Марджани, служившему имамом слободской Первой соборной мечети. Под его контролем университетская и частные типографии наладили массовый выпуск безупречно выверенных религиозных текстов, букварей, поэтических сборников и календарей, стоивших считанные копейки и расходившихся по всей слободе.

Главным же визуальным символом нового времени в татарском жилище сделался тиражный шамаиль. Если прежде рукописные каллиграфические изречения из Корана в богатых окладах могли позволить себе лишь купцы первой гильдии, то теперь отпечатанные на плотной бумаге и раскрашенные вручную серебром и яркими красками листы появились в домах рядовых ремесленников и мещан. Вставленный под стекло в простую деревянную рамку, печатный шамаиль стал непременным оберегом и главным украшением чистой половины татарского дома, знаменуя приход печатного слова в каждый слободской очаг.

Иркутск. Около 1865 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Соколова Надежда Васильевна

около 1865 года · Иркутск · дочь священника

МЕСТНОСТЬ

Губернский Иркутск середины 1860-х годов — главный административный центр обширного Восточно-Сибирского генерал-губернаторства — предстает величественным континентальным форпостом империи, раскинувшимся на широкой террасе правого берега стремительной и полноводной Ангары, как раз напротив устья впадающего в нее Иркута. Рельеф этой просторной межгорной котловины, стиснутый темными лесистыми отрогами Кайской горы и далекими синеющими предгорьями Восточного Саяна, удерживает над деревянными кварталами устойчивый купол прозрачного морозного воздуха. Городское население, достигшее к этому времени двадцати восьми тысяч душ обоего пола, являет собой удивительно сложное и пестрое сообщество: здесь бок о бок сожительствуют потомственные сибирские купцы первой гильдии, золотопромышленники, чиновники канцелярии наместника, служилые казаки, духовные чины многочисленной епархии, разночинцы, ссыльнопоселенцы и приезжие бурятские инородцы.

Планировка города, выправленная по строгим предписаниям регулярного градостроительства, разворачивается широким амфитеатром от ангарской набережной вглубь материка, прорезаясь прямыми параллелями Большой и Амурской улиц вплоть до илистой протоки реки Ушаковки. Над плотным массивом бревенчатой застройки горделиво возвышаются монументальные каменные громады православных храмов, возведенных в самобытных формах сибирского барокко: кафедральный Богоявленский собор с высокой ярусной колокольней, древняя Спасская церковь и знаменитый храм Крестовоздвижения, чьи белокаменные фасады покрыты сложнейшей ковровой резьбой восточного рисунка. На самом берегу открытой воды царственно возвышается трехэтажный ампирный «Белый дом» — бывший дворец купцов-миллионщиков Сибиряковых, переданный казне под резиденцию генерал-губернатора Михаила Семеновича Корсакова, олицетворяющий незыблемую власть Петербурга над сибирскими просторами.

Повседневную среду города определяют основательные усадьбы за сплошными бревенчатыми заплотами, которые надежно защищают просторные внутренние дворы, конюшни, амбары и ледники от суровых ветров и бродяг. Бревенчатые дома на высоких подклетах из вековой лиственницы, украшенные пышными резными карнизами и глухими створчатыми ставнями, соседствуют здесь с новыми двухэтажными каменными домами знати и торговыми лабазами. Проезжая часть главных улиц, отсыпанная крупным речным галечником, в сухое летнее время поднимает тучи едкой серой пыли, а во время осенней распутицы раскисает в вязкую глину; при этом через стремнину Ангары берега связываются вовсе не мостовыми сооружениями, а тяжелыми дощатыми карбасами и знаменитым канатным паромом-«самолетом», двигающимся силой самого речного течения.

Городской воздух напитан густым смолистым духом сырой лиственницы, терпким березовым дымом, непрерывно струящимся из тысяч кирпичных труб, ледяной свежестью незамерзающего речного плеса и пряным ароматом прессованного чайного листа, доносящимся от оптовых складов. В ясные зимние дни Иркутск озаряется ярким холодным солнцем, ослепительно искрящимся на куполах и густом инее, покрывающем березы. На улицах стоит характерный сибирский гул: перезвон колоколен трех десятков приходов смешивается со звонким скрипом крестьянских полозьев по укатанному Московскому тракту, звяканьем ямщицких бубенцов, зычными окриками паромщиков и монотонным глухим рокотом вечно бегущей незамерзшей воды.

ПОРА

Курение Ангары, донный лед и сибирская стужа зимы 1864–1865 годов

Зима 1864–1865 годов обрушилась на Приангарье со всей беспощадной мощью восточносибирского климата. Уже к исходу ноября столбики спиртовых термометров Реомюра опустились ниже тридцати градусов мороза, сковав землю железоподобным панцирем. Однако широкая и стремительная Ангара, вытекающая из глубоких недр Байкала, вопреки лютой стуже долго отказывалась замерзать. Над черной бурлящей водой стояло знаменитое местное «курение» — плотная стена белесого морозного пара, клубящаяся точно над кипящим котлом и превращавшая прибрежные улицы Иркутска в подобие непроницаемого туманного лабиринта.

Этот тяжелый влажный туман оседал на городских строениях и кронах вековых лиственниц чудовищными наростами игольчатого инея. Деревья гнулись под тяжестью ледяной бахромы, столбы и фасадная резьба купеческих домов одевались в пушистую хрустальную броню, а солнце в полдень проглядывало сквозь морозную мглу лишь тусклым багровым диском. Жизнь замирала: птицы замерзали на лету, а редкие пешеходы передвигались по переулкам почти бегом, укутав лица в собольи и волчьи воротники, спасаясь от обжигающего воздуха, перехватывающего дыхание при каждом вдохе.

Окончательное пленение реки совершилось лишь в первой декаде января 1865 года, сопровождаясь грозным природным спектаклем. Со дна стремнины стал всплывать рыхлый донный лед, сбивавшийся бурным течением в сплошную кашу из шуги. С оглушительным треском и скрежетом ледяные поля наползали друг на друга, возводя у берегов многометровые торосы, пока русло не заперло ледяным затором. Горожане, еще хранившие живую память о сокрушительном Цаганском землетрясении позапрошлой зимы, с тревогой прислушивались к подземному гулу и глухим толчкам от трескающегося речного льда, в котором многим чудилось новое пробуждение грозных недр.

Польский этап: вереницы ссыльных и пересыльный замок 1864–1865 годов

В течение всего 1864 и 1865 годов главной и тревожной темой иркутской жизни оставался непрекращающийся приток политических ссыльных из западных губерний империи. Разгром польского восстания 1863 года отозвался на берегах Ангары прибытием нескончаемых арестантских партий. По Московскому тракту, поднимая клубы дорожной пыли летом или скрипя санями в зимнюю стужу, в город одна за другой втягивались пешие колонны повстанцев и подводы с конвойными чинами. К началу 1865 года при общем городском населении менее тридцати тысяч душ число ссыльных разных разрядов в Иркутске превысило три с половиной тысячи человек.

Городской пересыльный замок и казармы у Московской заставы были переполнены до крайнего предела. Среди прибывавших находились представители самых разных сословий — от шляхтичей, ксендзов и университетских профессоров до простых мастеровых и повстанческих солдат. Администрация генерал-губернатора Корсакова спешно распределяла партии по сибирским заводам, приискам и глухим округам: сотни ссыльных направлялись на солеваренные варницы Усолья, на каторжные работы Нерчинского горного округа или на водворение в отдаленные бурятские селения Тункинской долины.

Иркутское общество встретило изгнанников со смешанным чувством сострадания и настороженности. Местное купечество и приходское духовенство собирали теплую одежду и хлеб для узников замка, а образованные ссыльные, получившие право проживания в городе, быстро находили службу врачами, аптекарями, учителями или чертежниками. Это внезапное появление тысяч образованных европейцев ощутимо изменило внутренний климат сибирской столицы, наполнив улицы незнакомой речью, черными траурными сюртуками и глухим брожением, предвещавшим будущий бунт.

Тихвинский торг, кяхтинские обозы и сибирские пудовые расценки

Главным средоточием торговой жизни Иркутска в середине 1860-х годов являлся каменный Гостиный двор на обширной Тихвинской площади, дополненный многолюдными съезжими базарами на берегу Ангары и близ устья Ушаковки. Здесь сходились транзитные потоки колоссальной государственной ценности: через город нескончаемо двигались обозы с кяхтинским чаем, маньчжурским шелком, ленским рассыпным золотом и пушниной. Однако для повседневного обихода горожан несравненно важнее были окрестные продовольственные ряды — Мясной, Мучной и Рыбный, где прямо с возов торговали приангарские крестьяне и бурятские скотоводы.

Цены на основные припасы отражали сибирскую дороговизну, подогретую обилием золота на руках приисковых подрядчиков. Пуд доброй ржаной муки на Хлебном базаре стоил покупателю от 80 до 85 копеек, тогда как пшеничная сеяная мука доходила до 1 рубля 30 копеек за пуд. Свежую говядину продавали по 2 рубля 40 копеек за пуд, или по 6–7 копеек за фунт в розничной лавке. В Рыбном ряду бочонок соленого байкальского омуля отпускали за 3 рубля 50 копеек, а пуд сытного кедрового ореха — за 1 рубль 40 копеек. За прессованный кирпич чайного листа кяхтинского провоза просили около 70 копеек.

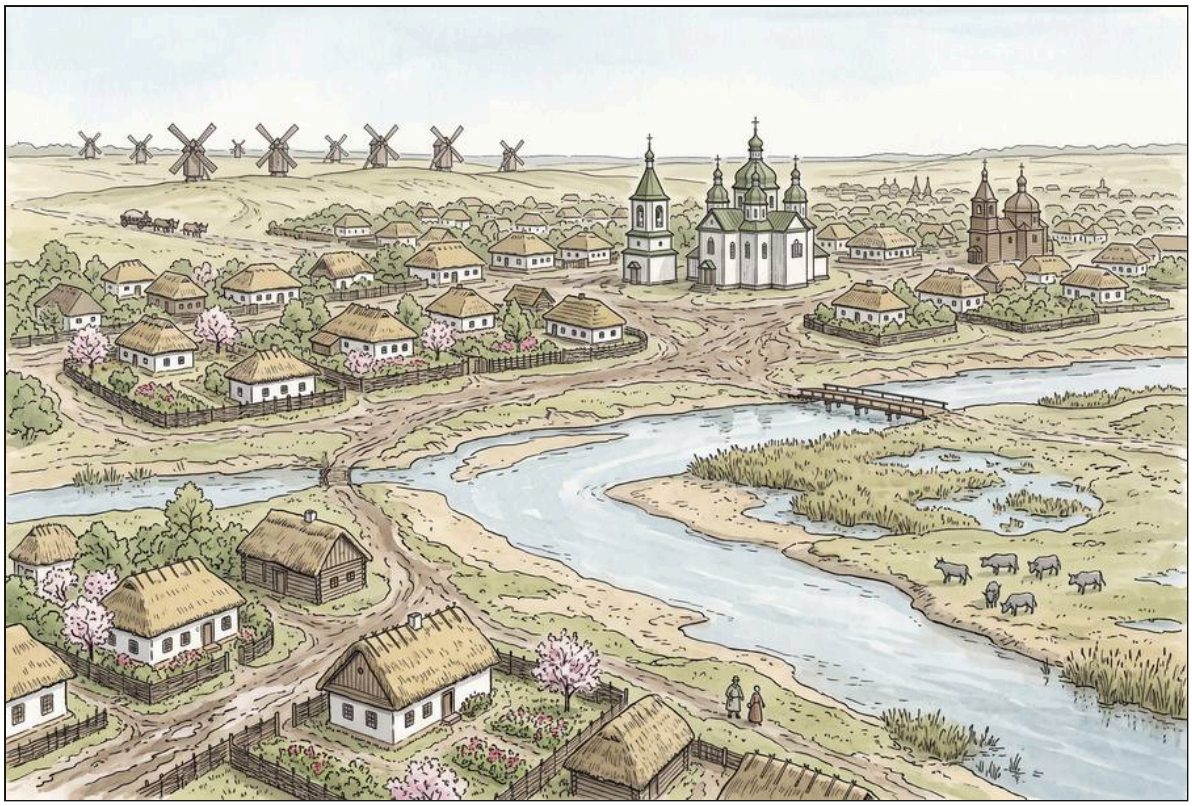
Поденная плата простого чернорабочего на перегрузке барж у ангарских причалов колебалась от 50 до 65 копеек за день, что заметно превосходило заработки в центральных губерниях из-за острого сибирского дефицита рабочих рук. Наемный плотник или каменщик на возведении купеческих лабазов зарабатывал за трудовой день до 1 рубля 20 копеек. Таким образом, двухдневный заработок поденщика позволял приобрести пуд мяса или почти полтора пуда ржаного хлеба, обеспечивая скромное, но вполне надежное пропитание в суровых сибирских условиях.

Рождение сибирского торга: открытие Иркутской биржи в мае 1865 года

Двадцатого мая 1865 года в деловой жизни Иркутска произошло знаменательное событие, ознаменовавшее переход восточносибирской торговли к цивилизованным институтам нового времени: в залах каменного Гостиного двора состоялось торжественное открытие первой во всей Сибири товарной биржи. Устав этого торгово-промышленного учреждения был Высочайше утвержден в Петербурге годом ранее, однако его практическое воплощение потребовало немалых усилий местного купеческого общества и содействия генерал-губернатора Михаила Корсакова.

До этого рубежа многомиллионные сделки сибирских предпринимателей — обороты чайных караванов, подряды на поставку провианта на Ленские прииски и скупка партий пушнины — совершались по старинке: в полутемных купеческих конторах, при помощи словесных обязательств или на страницах домашних долговых тетрадей. С учреждением биржи в городскую повседневность вошли строгие институты биржевого комитета, присяжных маклеров и браковщиков. Все оптовые соглашения на поставку китайского чая, хлебного зерна и приискового снаряжения стали фиксироваться официальными маклерскими записками, имеющими непререкаемую судебную силу.

Появление биржи и учрежденного вслед за нею первого сибирского отделения Государственного банка придало столице края невиданный прежде финансовый порядок. В просторном биржевом зале начали вывешиваться первые печатные бюллетени с официальными котировками хлебных цен, кяхтинских чаев и золотого песка, за которыми с напряженным вниманием следили представители богатейших торговых домов Трапезниковых, Базановых и Сибиряковых. Патриархальный обычай уступал место регулярному коммерческому праву, окончательно превращая Иркутск в финансовую столицу всей Азиатской России.

Миргород. Около 1868 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Левченко Григорий Остапович

около 1868 года · Миргород, Полтавская губерния · мещанин

МЕСТНОСТЬ

Уездный город Миргород Полтавской губернии к исходу 1860-х годов сохраняет облик обширного, патриархального, но официально утвержденного в статусе административного центра поселения, раскинувшегося по обоим берегам извилистой степной реки Хорол. В это пореформенное десятилетие здесь числится без малого десять тысяч жителей обоего пола, причем большая часть горожан принадлежит к мещанскому сословию и малороссийским казакам. Городской ландшафт всецело подчинен мягкому падению полтавской равнины: широкие пойменные террасы, изрезанные ветвистыми балками, сухими ярами и заболоченными старицами, создают привольное пространство, где городские дворы переходят в густые посадки вишневых, яблоневых и терновых садов. В самом центре Миргорода, на открытом пространстве площади близ древнего замчища, покоится обширный илистый водоем — знаменитая миргородская «лужа», густо заросшая осокой и служившая естественным прибежищем для несметных стай гусей и уток.

Городская структура мало напоминает строгие чертежи столичных инженеров: казенная сетка улиц прижилась лишь возле присутственных мест, тогда как остальная застройка вольно следует естественным изгибам речного берега. Остатки земляных укреплений Миргородского полка — насыпные валы и сглаженные рвы — до сих пор отделяют центральную часть от слободских окраин. Главной архитектурной доминантой служит деревянный собор Успения Пресвятой Богородицы о пяти куполах, окруженный отдельной шатровой колокольней. Поблизости белеют приходские церкви — Троицкая и Воскресенская, чьи верхи парят над одноэтажной массой усадеб. Обывательские жилища почти сплошь состоят из беленых мелом мазанок под соломенными стрехами; капитальные дома из сосны и дуба редки, а кирпичные казенные здания остаются единичными исключениями.

Через городок проходят разъезженные тракты на Полтаву, Ромны и Кременчуг, по которым движутся обозы с рожью и овечьей шерстью. В жаркую пору Миргород напоен одним густым и неизменным духом: терпким ароматом подвяленного на солнце чабреца и горькой полыни, щедро несущимся с приречных выпасов и смешивающимся с теплом прогретой черноземной пыли. В тихий полдень воздух над широкими песчаными плесами Хорола неподвижен, речные мели плавятся в лучах южного солнца, а высокие заборы и плетни отбрасывают резкие короткие тени. Слышен лишь далекий звон косы, глухое покрякивание птицы у воды да протяжный скрип тяжелых воловьих возов, везущих огородную снедь к рынку.

В вечерние часы город замирает, погружаясь в густую малороссийскую ночь, нарушаемую лишь перекличкой ночных сторожей с колотушками да лаем собак по дальним хуторам. Фонарей на улицах нет, и редкие запоздалые прохожие освещают себе путь ручными слюдяными фонариками или ступают ощупью по сухим гребням утоптанной земли. Речной поток течет неторопливо меж песчаных кос, отражая мириады звезд. Миргород времен конца шестидесятых годов являет собой типичный уездный мирок переходной поры, где старинное казачье мещанство продолжает держаться векового уклада, невзирая на близкое дыхание реформ.

ПОРА

Степной суховей и осенняя распутица 1868 года

Климатический круговорот 1868 года принес уездам Полтавской губернии суровое испытание изнурительной весенне-летней засухой. После малоснежной и ветреной зимы, когда поля подолгу оставались без надежного покрова, дружное апрельское потепление сменилось полосой устойчивого восточного антициклона. Уже с первых чисел мая над хорольскими долинами установился иссушающий степной зной. Горячие суховеи выметали влагу из верхних пластов грунта, обращая тучный миргородский чернозем в твердую, изрезанную глубокими трещинами корку.

К середине лета водность реки Хорол сократилась до чрезвычайных пределов. Быстрое прежде течение распалось на цепь мелких заводей и песчаных перекатов, обнаживших топкое дно, а уровень воды в городских колодцах опустился на несколько саженей. Яровые всходы ячменя, овса и гречихи на мещанских наделах подгорели еще до колошения, не набрав должной силы, а пойменные луга побурели задолго до косьбы. Обыватели с тревогой взирали на безоблачный небосвод, где неделями не появлялось ни единой дождевой тучи, угрожавшей обернуться зимней бескормицей.

Перелом наступил лишь в исходе августа, когда иссушающую жару внезапно сменили затяжные холодные ливни и шквалистые ветры. Однако запоздалая небесная влага уже не могла поправить положение: ранние хлеба осыпались, а озимый клин дал неровные, редкие всходы. Непрерывные осенние дожди превратили жирные черноземы и глинистые въезды в город в глубокую, вязкую топь, остановив гужевое движение обозов, задержав помол зерна на хорольских водяных мельницах и на долгие недели отрезав уездный центр от окрестных торговых селений.

Эпизоотия скотской чумы и уездные кордоны 1867–1868 годов

В 1867–1868 годах мирное течение миргородской жизни оказалось нарушено грозным бедствием, поразившим всю хозяйственную основу края — вспышкой моровой язвы рогатого скота. Повальная эпизоотия, проникшая в Полтавскую губернию по торговым трактам, несла прямую гибель серым украинским волам, служившим главной тягловой силой для местных мещан, казаков и чумаков. Внезапный падеж скота на выгонах и подворьях вызвал неподдельный страх среди жителей, чье благосостояние всецело зависело от подвозного промысла и полевой обработки земель.

Для борьбы с распространением мора вновь учрежденное Миргородское уездное земство совместно с полицией приняло чрезвычайные меры. На главных трактах, ведущих со стороны Ромен и Лубен, были выставлены постоянные санитарные заставы. Прогон гуртов через уезд был строго воспрещен, а въезжающие возы подвергались тщательному осмотру. По распоряжению начальства городская скотобойня перешла под строгий ветеринарный надзор; туши павших животных немедленно предавались земле в глубоких ямах за чертой города, а хозяевам под страхом штрафа вменялось в обязанность заявлять о каждом заболевшем животном.

Тяжелым ударом для городского уклада стал временный запрет на продажу рогатого скота на традиционных миргородских ярмарках. Обширные ярмарочные выгоны пустовали, а местные мещане лишились привычного заработка от найма подворий под постой гуртовщиков. Лишь к исходу 1868 года, благодаря неусыпным карантинам и наступившим осенним холодам, пагубное поветрие удалось подавить, однако понесенный урон еще долго отзывался в уезде нехваткой тягла, вздорожанием гужевого найма и общим расстройством хозяйства.

Ильинский торг, миргородская керамика и пудовые расценки

Торговая жизнь Миргорода сосредотачивалась на обширной Базарной площади перед Успенским собором, оживавшей дважды в неделю — по средам и воскресеньям, а также во время четырех ежегодных уездных ярмарок, главнейшей из которых оставалась летняя Ильинская. Сюда съезжались сотни возов со всего уезда и соседних волостей. На площади выстраивались ряды с зерновым хлебом, салом, овечьей шерстью, бондарной посудой и знаменитыми местными глиняными изделиями: глазурованными макитрами, кувшинами-глечиками и расписными мисками, производимыми в пригородных слободках.

Цены 1868 года отражали напряжение засушливого лета. За пуд ржаной муки на миргородском торге запрашивали от 75 до 85 копеек, тогда как пуд отборной пшеничной крупитчатой муки доходил до одного рубля 25 копеек. Пуд серой соли, доставленной чумаками из крымских озер, обходился покупателю в 45 копеек. Свежее свиное сало продавалось по 12–14 копеек за фунт, говядина среднего сорта шла по 7 копеек, а десяток куриных яиц можно было сторговать за 10 копеек. Большой глиняный горшок или расписная макитра миргородских мастеров стоили от 4 до 8 копеек за штуку.

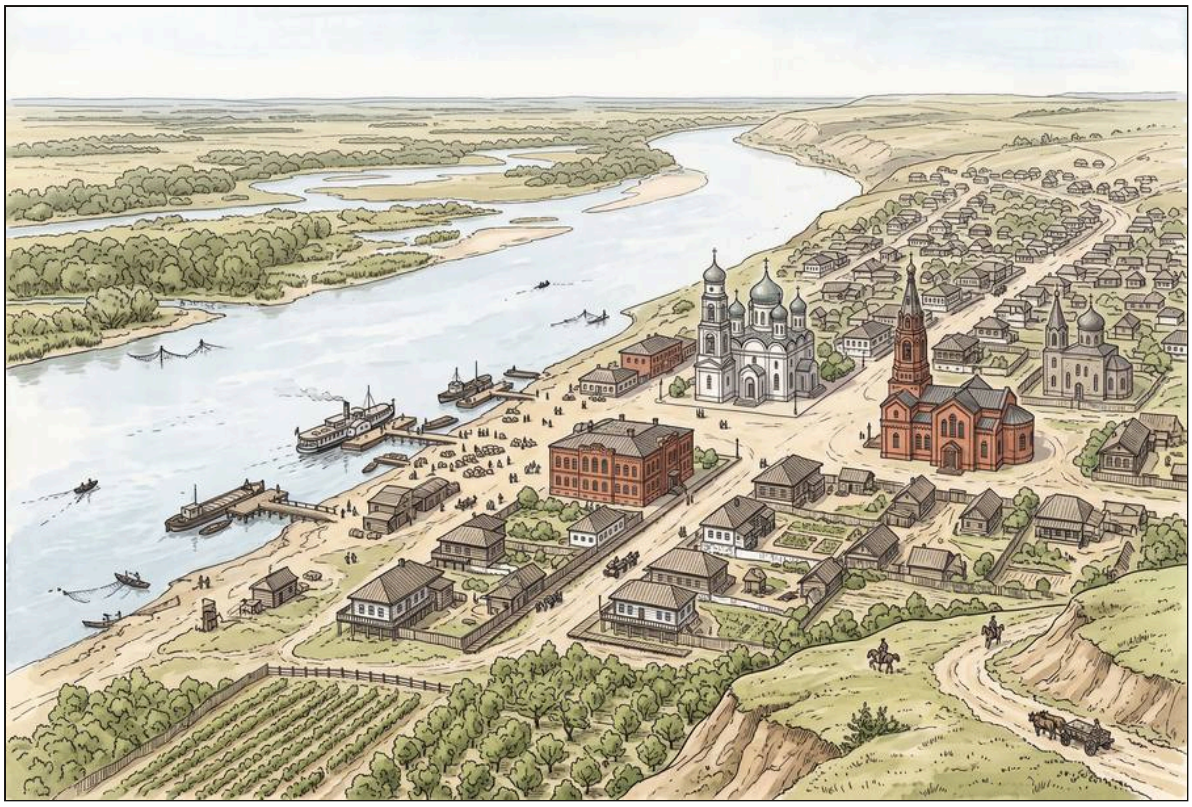
Подённая плата вольнонаемного работника или плотника на строительных работах в городе составляла в этот период около 40–50 копеек в летний день, снижаясь до 30 копеек к глубокой осени. Таким образом, заработок за один трудовой день позволял работнику приобрести около половины пуда хлеба либо пару фунтов сала с набором глиняной посуды. В то же время покупка добротного дубового воза с коваными железными осями, стоившего на торгу до двенадцати рублей, требовала от мастерового почти месяца непрерывного труда.

Рождение земской медицины и первая уездная больница

Главным осязаемым новшеством, бесповоротно вошедшим в повседневный обиход миргородских обывателей к исходу 1860-х годов, стало рождение земской общественной медицины. Вслед за открытием уездных земских учреждений в ведение Миргородской земской управы перешла городская больница, прежде находившаяся в подчинении полузабытого Приказа общественного призрения и пребывавшая в крайнем запустении. Земство взяло на себя полное содержание лечебницы на двадцать коек, превратив ее из закрытого призренческого барака в открытое общедоступное медицинское учреждение для всех сословий уезда.

В городе впервые появился постоянный участковый земский врач, на которого возлагался не только прием стационарных больных, но и надзор за санитарным состоянием уезда. При больнице открылась земская аптека, отпускавшая неимущим горожанам и крестьянам необходимые медикаменты — хинин, серный цвет, карболку и камфорные капли. Для мещан, веками уповавших исключительно на знахарей и травников, сам факт регулярного врачебного приема и получения целебных снадобий по рецепту лекаря выглядел поразительной переменой времен.

Особое значение приобрела развернутая земством кампания по массовому предохранительному оспопрививанию. По городским слободкам и волостным селам стали регулярно совершать объезды подготовленные земские фельдшеры и оспопрививатели, снабженные ланцетами и чистой вакциной. Несмотря на первоначальное глухое недоверие консервативных обывателей к надрезам кожи и прививанию «телячьей лимфы», казенная медицинская служба быстро доказала свою силу, избавив горожан от прежней беспомощности перед эпидемиями и заложив прочные основы общественного здравоохранения в тихом уездном крае.

Станица Нижнечирская. Около 1913 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Астахов Лукьян Петрович

около 1913 года · станица Нижнечирская, Область Войска Донского · казак

МЕСТНОСТЬ

К 1913 году станица Нижнечирская предстает признанным административным и торговым центром Второго Донского округа Области Войска Донского, сочетающим воинский уклад казачьего поселения с кипучей жизнью крупной хлебной пристани. Обширное селение раскинулось на правом покатом берегу Дона, близ впадения в него полноводной степной реки Чир, вытянувшись вдоль излучины тихого донского рукава Быстрика. От коренного русла реки станичные кварталы отступают на две с половиной версты, оставляя перед собою низменное пойменное займище, однако вся жизнь окружного центра неразрывно связана с великой судоходной дорогой, ведущей к портам Азовского моря. В этот предвоенный год в станице проживает свыше десяти тысяч душ обоего пола, соединяя в общем хозяйственном обороте старинные казачьи роды, крепкие старообрядческие общины и наезжих купцов со всей южной России.

Природный ландшафт местности отличается простором и живописным рельефом: с запада и северо-запада над станичными усадьбами поднимаются песчано-глинистые увалы правобережного плато, глубоко прорезанные балками — Грушевским и Бобровским буераками. Эти тенистые расселины славятся обилием родников со студеной питьевой водой, испокон веков снабжающей окружные подворья. Солнечные склоны холмов на протяжении девяти верст заняты террасами знаменитых чирских виноградников, перемежающихся яблоневыми и терновыми садами. Донские лозы сортов «пухляковский» и «плечистик» дают тяжелые гроздья под лучами сухого степного солнца, а на пологих скатах сады уступают место бахчам с медовыми арбузами и распаханным степным просторам, где зреют знаменитые донские пшеницы.

Внешний строй Нижнечирской заметно превосходит привычный сельский масштаб. Прямые, широкие улицы спланированы ровно и содержатся в образцовой чистоте, будучи застроены основательными казачьими куренями. Нижние жилые ярусы («низы») здесь возводят из белого пиленого камня или местного обожженного кирпича, тогда как просторные деревянные верха украшаются нарядной резьбой и опоясываются крытыми галереями. Архитектурный облик окружного центра определяют каменные административные здания: окружное атаманское правление, окружной суд, казначейство, краснокирпичный монументальный корпус Алексеевского реального училища и Мариинская женская гимназия. Над широкой панорамой станицы возвышаются колокольни семи православных и единоверческих церквей, среди которых монументально выделяется пятиглавый Троицкий собор.

Особый колорит станичной жизни сосредоточен у донской пристани и обширных хлебных ссыпок, куда нескончаемой вереницей съезжаются подводы со всего округа. Воздух здесь напоен ароматом сухого ковыля и горькой полыни, который смешивается с влажной свежестью речной волны, терпким запахом бродящего виноградного сусла из погребов и горячим угольным дымом колесных пароходов. Повседневный звуковой фон образуют басовитые речные гудки причаливающих судов товарищества «Кавказ и Меркурий», звонкий цокот подкованных казачьих коней, шум зерна на веялках и соборный колокольный перезвон. По вечерам, когда дневное пекло уступает место степной прохладе, над зеркальной гладью Быстрика разносится широкая казачья строевая песня, а у речных дебаркадеров вспыхивают яркие сигнальные огни.

ПОРА

Вешний разлив Дона и рекордный сбор хлебов 1913 года

Климатический круговорот 1912–1913 годов принес в бассейн Среднего Дона редкое природное изобилие, начавшееся с бурного и многоводного весеннего половодья. Зима выдалась умеренной, но чрезвычайно богатой глубокими снегами, укрывшими донецкие степи и верховья притоков плотным белым покровом. Дружная оттепель конца марта вызвала стремительное вскрытие рек: донской лед с глухим пушечным гулом тронулся, взламывая береговые торосы, а вслед за этим наступил грандиозный разлив, какого старожилы не припоминали уже несколько вёсен.

Воды Дона и впадающего в него Чира вышли из берегов, затопив необозримое пойменное займище на многие версты вокруг станицы. Рукав Быстрик слился с главным речным руслом в единое бескрайнее водное зеркало, среди которого верхушки прибрежных верб и тополей казались плавающими зелеными островками. Станичники на несколько недель переселились в просмоленные лодки-каюки, наблюдая, как вешняя вода подошла к самым нижним террасам придонских виноградников, щедро насыщая почву живительной влагой и плодородным речным илом.

Когда к середине мая полая вода плавно отступила в свои привычные берега, над Вторым Донским округом установилась идеальная для полевых культур погода. Чередование теплых майских дождей в пору кущения и последующего ясного июльского тепла без палящих степных суховеев уберегло хлеба от преждевременного запала. На станичных юртовых землях поднялись тяжелые, густые нивы: урожай озимой пшеницы-гарновки и ячменя в лето 1913 года превзошел все ожидания хлеборобов, установив исторический рекорд за всю эпоху, а виноградные сады одарили станичников небывалым обилием тугих сладких гроздей.

Романовский юбилей и войсковой сбор Второго округа в мае 1913 года

Главным общественным событием 1913 года для Нижнечирской стали всенародные торжества по случаю 300-летия царствования Дома Романовых, органично соединившиеся с весенним войсковым сбором. В станицу как в административную столицу Второго Донского округа съехались атаманы и старики из окрестных станиц — Кобылянской, Верхне-Чирской, Цимлянской, Есауловской и Нагавской. Сюда же стянулись строевые казачьи сотни первоочередных полков и сотни убеленных сединами георгиевских кавалеров — ветеранов русско-турецкой и недавней русско-японской войн.

Празднование открылось величественным благовестом со всех семи станичных колоколен и торжественным молебствием в пятиглавом соборе Святой Троицы, откуда многотысячный крестный ход с полковыми иконами и старинными знаменами двинулся на окружной майдан. Перед парадным фронтом конных и пеших сотен окружной атаман громогласно зачитал Высочайший манифест, встреченный троекратным казачьим «ура» и залпами артиллерийского салюта. Затем состоялся образцовый военный парад, на котором казаки блеснули безупречной строевой выправкой, монолитными рядами пик и шашек.

Во второй половине дня празднество переместилось на широкий береговой выгон у Дона, где развернулись любимые народом конные состязания, скачки и джигитовка. Молодые казаки на полном карьере срубали выставленные лозы, стреляли в мишени и подхватывали с земли монеты, вызывая восторг многочисленных зрителей. С наступлением сумерек здания окружных присутственных мест, Алексеевского реального училища и каменного гостиного двора расцветились нарядными вензелями и огнями цветной иллюминации, а станичное правление выставило на площадях обильные столы с традиционным угощением для казачьей молодежи и стариков-инвалидов.

Хлебные ссыпки, чирские вина и ярмарочный торг 1913 года

Торговая жизнь Нижнечирской в 1913 году определялась ее положением главного перевалочного пункта хлебных грузов и скота во Втором Донском округе. Главным торжищем служила Базарная площадь с монументальным каменным гостиным двором на тридцать девять лавок, дополненная обширными хлебными ссыпками у причалов рукава Быстрика. На станичных ярмарках, чей годовой оборот превышал полмиллиона рублей, сходились торговые караваны со степных хуторов, скупщики ростовских экспортных контор и прасолы из центральных губерний империи.

Главным товаром благодатного 1913 года оставалось зерно: за пуд отборной твердой пшеницы-гарновки купцы на ссыпках платили от 85 до 95 копеек, рожь шла по 65–70 копеек, а овес — по 60 копеек за пуд. В винных лавках и погребах бутылка молодого станичного вина сортов «пухляковский» или «плечистик» стоила от 25 до 35 копеек, а ведро доброго столового напитка отпускалось за 2 рубля 50 копеек. Свежий донской судак и сазан продавались по 12–15 копеек за фунт, пуд сушеной чехони ценился в 3 рубля, а верховой казачий конь обходился в 120–150 рублей.

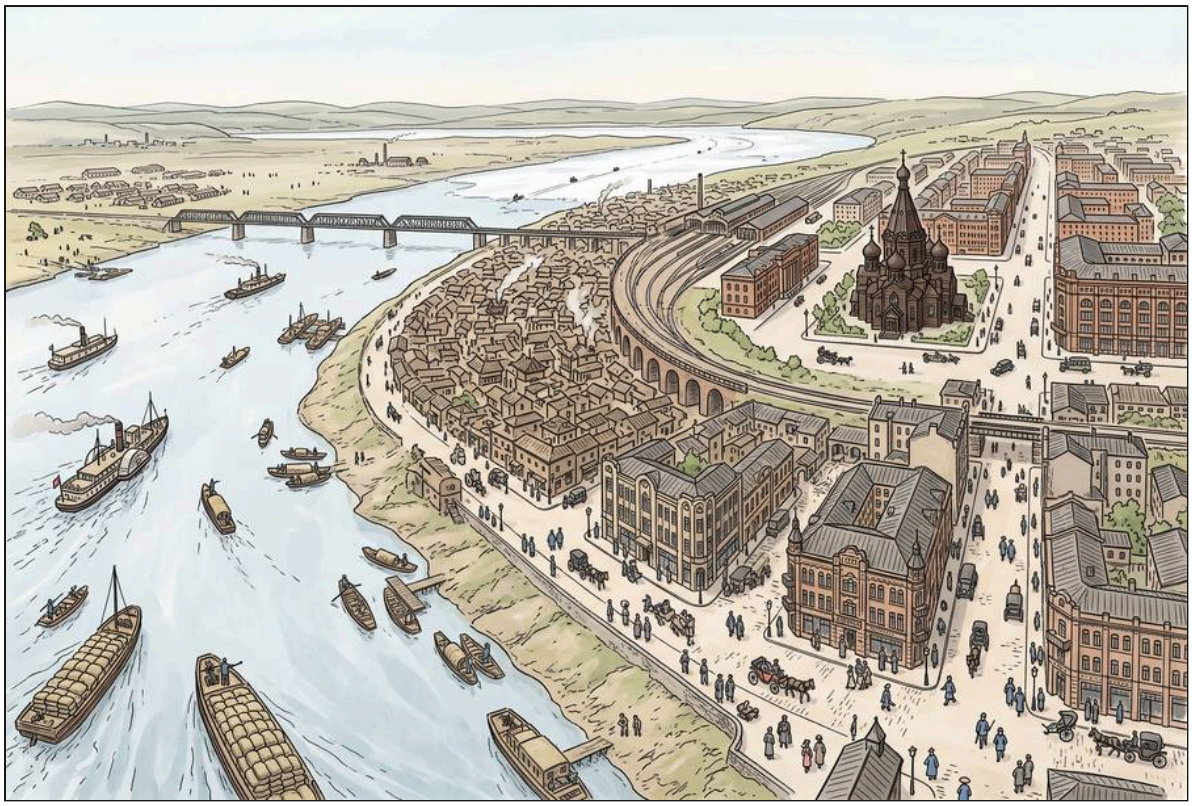
Уровень станичных цен находился в строгом соответствии со стоимостью вольнонаемного труда. В разгар страды пришлый косарь или молотильщик зарабатывал от 1 рубля 20 копеек до 1 рубля 50 копеек в день при хозяйском довольствии, тогда как весенняя поденная подвязка лоз оценивалась в 65–75 копеек. За день тяжелого косовища батрак мог заработать на полтора пуда товарной пшеницы или на десяток фунтов отборной донской рыбы.

Станичный электробиограф: явление «живой фотографии» на Дону

К 1913 году в повседневный обиход нижнечирских жителей стремительно вошло главное техническое новшество начала двадцатого столетия — станичный синематограф, именовавшийся «электробиографом». Долгое время движущиеся световые картины доставляли на Дон лишь бродячие балаганы во время осенних ярмарок. Теперь же в станице начал действовать постоянный иллюзион, разместившийся в просторном зрительном зале купеческого дома близ Базарной площади. Электрический ток для проекционного аппарата и внешнего освещения вырабатывала собственная динамо-машина, приводимая в движение тяжело стучавшим во дворе нефтяным двигателем.

Яркое дуговое освещение над входом в электробиограф само по себе служило неслыханной новинкой для казачьей станицы, где в темное время суток улицы тонули в полумраке. Едва над входом вспыхивал электрический фонарь, у дощатой кассы выстраивалась разношерстная очередь. Сюда спешили офицеры окружного управления с супругами, воспитанники Алексеевского реального училища в форменных суконных тужурках, гимназистки и степенные казаки-старики. Входная плата составляла от десяти копеек на задних лавках до сорока копеек в первых рядах с мягкими креслами.

Под ровный стрекот проекционного аппарата французской фирмы «Патэ» и бойкую игру нанятого тапера на белом полотне оживали кадры столичных романовских торжеств, виды заграничных морей и первые отечественные картины «Ханжонкова и компании». Бегущие по экрану поезда, скачущие кавалеристы и колышущиеся от ветра ветви деревьев вызывали у зрителей благоговейное изумление и бурные рукоплескания. Синематограф мгновенно сделался любимым общественным развлечением, наглядно связав тихую донскую станицу с новейшей индустриальной культурой предвоенной эпохи.

Харбин. Около 1925 года

ХРОНИКА РОДА И ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Крюгер Эмма Карловна

около 1925 года · Харбин · русская колония

МЕСТНОСТЬ

К 1925 году Харбин, выросший четверть века назад из неприметного поселка железнодорожных строителей в излучине реки Сунгари, представляет собой поразительный континентальный анклав — огромный русский город, сохраняющий уклад прежней дореволюционной жизни среди бескрайних маньчжурских равнин Особого района Восточных провинций Китая. Полноводная река Сунгари, несущая свои илистые мутные воды на северо-восток к далекому Амуру, широкой дугой огибает городскую застройку, служа оживленной транспортной артерией для пароходов, барж и плоскодонных китайских джонок. Население стремительно разросшегося мегаполиса уже превышает триста тысяч душ, из которых более ста тысяч составляют русские беженцы и подданные распавшейся империи — кадровые офицеры, квалифицированные инженеры, служащие Китайско-Восточной железной дороги, коммерсанты и гимназисты, живущие бок о бок с коренным китайским людом.

Городской рельеф четко разделен на две противоположные по характеру части, соединенные полотном стальной магистрали и монументальным виадуком. Внизу, на низменной пойменной террасе у речных причалов, раскинулась Пристань — шумный коммерческий центр с регулярной сеткой широких улиц, застроенных нарядными каменными пассажами в стиле петербургского модерна и европейской эклектики. Наверху, на высоком холмистом плато, поднимается Новый Город — просторный административный район, где тенистые бульвары ведут к величественному деревянному Свято-Николаевскому собору на Соборной площади, словно парящему над городом своими шатрами и золочеными маковками. С востока к русским кварталам вплотную примыкает Фуцзядянь — собственно китайский торговый муравейник с узкими кривыми переулками, причудливыми иероглифическими вывесками, кумирнями и глинобитными лабазами.

Архитектурную панораму горизонта венчают ажурные стальные пролеты железнодорожного моста инженера Проскурякова через Сунгари, массивное серое здание Управления КВЖД и монументальный темно-зеленый купол Софийской церкви на Пристани. Пространство города живет непрестанным движением, суетой многотысячной разноликой толпы и резкими звуковыми контрастами: гудки маневровых паровозов и шипение пара на станционных путях перекликаются здесь с мелодичным перезвоном колоколен двадцати православных церквей, дробным цокотом подков извозчичьих пролеток, скрипом колес сотен рикш, гортанными выкриками кучеров и ритмичным щелканьем деревянных трещоток китайских уличных разносчиков, предлагающих прохожим горячую лапшу и засахаренные плоды боярышника.

Воздух Харбина напоен безошибочно узнаваемым, плотным духом, присущим только этому уникальному перекрестку культур. В нем терпкая едкая гарь сухого бурого далайнорского угля, непрерывно сгорающего в чугунных топках особняков и главных железнодорожных мастерских, соединяется с густым ароматом ржаного подового хлеба из пекарен торгового дома Чурина, сладковатым запахом жареных в соевом масле бобов и студеным речным дыханием Сунгари. С наступлением сумерек город преображается: улицы озаряются ярким электрическим светом витрин Китайской улицы, золотым сиянием фонарей гранд-отеля «Модерн», огнями синематографов и белыми фарами автомобилей, создавая поразительный облик шумной европейской столицы, затерянной в глубине азиатского материка.

ПОРА

Стужа на Сунгари, ледовый промысел и весенний «хуанфэн» 1925 года

Климатический круговорот 1924–1925 годов явил жителям Северной Маньчжурии всю суровость резко континентального дыхания азиатских просторов. Зима выдалась малоснежной, сухой и исключительно лютой. Уже к исходу декабря столбики спиртовых термометров на метеорологической станции харбинского Общества изучения Маньчжурского края опустились ниже тридцати пяти градусов мороза, а ледяные ветры, прилетавшие из сибирских таежных дебрей, сковали широкую Сунгари метровым панцирем безупречно прозрачного синеватого льда.

Эта жестокая стужа породила на реке оживленный промысел: сотни рабочих рубили и выпиливали тяжелыми продольными пилами гигантские ледяные блоки — знаменитый сунгарийский хрусталь. На конных санях и тяжелых телегах эти прозрачные кубы развозились по всему городу для погребов-ледников ресторанов «Модерн» и «Ориант», чуринских колбасных складов и пивоваренного завода «Бавария». Сама же замерзшая река превратилась в гладкий тракт, по которому между Пристанью и северным берегом безостановочно сновали крестьянские возы и легкие парусные сани-буера.

С наступлением ранней весны 1925 года морозный покой внезапно сменился яростной стихией. В конце марта с монгольских плоскогорий налетел шквальный «хуанфэн» — иссушающий желтый ветер из глубин пустыни Гоби. Небосклон мгновенно заволокло плотной грязно-рыжей пеленой, обратившей полуденное солнце в тусклый багровый кругляш. Мельчайшая лессовая пыль скрипела на зубах, забивала глаза, проникала сквозь закрытые рамы в жилые комнаты и засыпала витрины магазинов, заставляя горожан кутаться в плотные вуали и платки до тех пор, пока песчаная буря окончательно не улеглась за сопками.

Приказ № 94, советско-китайский паритет и харбинский процесс 1925 года

Конец 1924 и весь 1925 год стали для стотысячного русского Харбина эпохой глубочайшего потрясения, навсегда расколовшего эмигрантский мир на два непримиримых лагеря. После ратификации советско-китайских соглашений в Пекине и Мукдене управление стратегической Китайско-Восточной железной дорогой перешло к совместной администрации. Над монументальным зданием правления на Большом проспекте рядом с китайским флагом взвился советский красный стяг, а кабинет генерального управляющего занял прибывший из Москвы инженер А. Н. Иванов.

Вскоре последовал знаменитый приказ управляющего за номером 94, предписывавший всем железнодорожным служащим и рабочим в месячный срок предъявить паспорта граждан СССР либо свидетельства о принятии китайского подданства. Тех, кто отказался подчиниться из верности прежней России или страха перед большевиками, беспощадно увольняли без выходного пособия. Тысячи инженеров, машинистов, стрелочников и конторщиков в одночасье оказались выброшены на улицу, лишившись ведомственных квартир и средств к существованию, что породило тяжелейший социальный кризис в полосе отчуждения.

Общественное напряжение достигло апогея весной и летом 1925 года, когда в городском суде начался громкий показательный процесс над прежним русским руководством магистрали. Арестованные китайскими военными властями бывший управляющий Борис Остроумов, бывший приамурский генерал-губернатор Николай Гондатти и начальник экономического бюро Михайлов предстали перед трибуналом по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Лишь в сентябре 1925 года китайский судья амнистировал и освободил подсудимых, что вызвало небывалое облегчение и ликование среди русской эмиграции, молившейся за узников во всех приходских храмах.

Пристанские лабазы, котировки даяна и чуринские витрины 1925 года

Торговая жизнь Харбина к 1925 году являла собой пеструю и сложную финансовую стихию, где в обращении одновременно находились серебряные и бумажные харбинские доллары Особого района, именовавшиеся «даянами», японские иены, старые царские кредитки и советские золотые червонцы. Центром биржевой игры и оптовых сделок служили банковские конторы на Пристани, где ежедневно устанавливался плавающий курс местной валюты к серебряному мексиканскому доллару и американскому доллару.

Главное съестное торжище разворачивалось на обширной Базарной площади Пристани у Софийской церкви и в соседних рядах Фуцзядяня. Маньчжурское изобилие удерживало цены на продовольствие на относительно низком уровне: пуд знаменитой белой крупчатки из сунгарийской пшеницы с местных паровых мельниц стоил 1 доллар 35 центов, пуд соевых бобов шел по 75 центов, а фунт отборной парной говядины обходился покупателю в 16 центов. Фунт знаменитой копченой колбасы в гастрономическом отделении Торгового дома «И. Я. Чурин и Ко» продавался за 38 центов, а кружка свежего харбинского пива стоила гривенник.

Для мелкого служащего или простого поденщика на речных пристанях, зарабатывавшего от 80 центов до одного даяна в день, такая дешевизна базовых припасов оставалась спасением от голода. В то же время заграничные мануфактурные товары, обувь и шелка в фешенебельных магазинах Китайской улицы требовали солидных сумм: пара добротных кожаных полуботинок стоила не менее 12 даянов, что составляло пятую часть месячного жалованья рядового станционного конторщика.

«Серебряный паркет»: гранитная брусчатка Китайской улицы

Главным градостроительным новшеством, преобразившим повседневный облик коммерческого сердца Харбина к 1925 году, стало завершение грандиозных работ по капитальному мощению Китайской улицы на Пристани. Прежде эта центральная деловая и торговая артерия города, протянувшаяся почти на полтора километра от набережной Сунгари вглубь жилых кварталов, жестоко страдала от сезонных капризов погоды: в сухое время колеса экипажей вздымали здесь удушливые тучи пыли, а в пору летних ливней широкая проезжая часть превращалась в топкую трясину.

По инициативе городского самоуправления и союза пристанских торговцев русский инженер разработал смелый и дорогостоящий проект сплошного каменного покрытия улицы особыми брусками из твердого диабаза и гранита. Камни вытесывались вручную в форме аккуратных продолговатых буханок размером восемнадцать на десять сантиметров и укладывались мастерами на глубокую песчано-щебеночную подушку с геометрической точностью. По Харбину немедленно разнеслась легенда, что каждый уложенный гранитный брусок обошелся городской казне ровно в один серебряный доллар, отчего мостовую стали уважительно величать «улицей, вымощенной серебром».

Появление этого безупречно ровного, не боящегося ни наводнений, ни сорокаградусных морозов каменного ковра радикально изменило городской быт. По гладкой мостовой открылось регулярное движение первых комфортабельных маршрутных автобусов и легковых таксомоторов, связавших Пристань с вокзалом. Вдоль витрин ювелирных и модных магазинов застучали каблучки фланирующей публики, а Китайская улица окончательно превратилась в парадный проспект дальневосточной эмиграции, соперничающий столичным лоском с лучшими бульварами европейских столиц.

Места этого номера на карте Евразии.

Москва